

НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ НОМАДОВ ЯКУТИИ В 1950-1980-Е гг.*

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (РГНФ). Проект № 17-11-14003
"Кочевники Севера: антропология образа жизни оленеводов Якутии (XX - начала XXI вв.)".

SCIENTIFIC STUDY OF THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE NOMADS OF YAKUTIA IN THE 1950-1980s.

A. Suleymanov

Annotation

The first attempt in Russia's historiography to analyze of the scientific activities in the study of the life of the nomads of Yakutia during the period of intensive Soviet modernization of the Arctic presents in the article. Conclusion about the serious attention of representatives of the scientific community to the social and economic problems of the nomads of Yakutia was formulated. It is noted that this attention was largely correlated with the position of the Soviet Union government in forcing the transfer of nomads to a settled way of life.

Keywords: Arctic, Yakutia, nomads, transfer to sedentary life, The USSR Academy of Sciences, scientific research, expeditions.

Сулейманов Александр Альбертович

*К.и.н., с.н.с., Институт
гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН*

Аннотация

В статье представлена пионерная в отечественной историографии попытка обобщения и осмысления деятельности ученых по исследованию жизнедеятельности кочевников Якутии в период интенсивной советской модернизации Арктики. Автором был сформулирован вывод о серьезном внимании представителей научного сообщества к социально-экономическим проблемам номадов Якутии. Отмечено, что данное внимание в значительной степени коррелировалось с позицией управленческих структур Советского Союза по форсированию перевода кочевников на оседлый образ жизни.

Ключевые слова:

Арктика, Якутия, кочевники, перевод на оседлость, Академия наук СССР, научные исследования, экспедиции.

И здревле на территории Якутии проживают народы, традиционное хозяйство которых предполагает ведение кочевого образа жизни. В настоящее время многие представители эвенков, эвенов, якугиров и чукчей продолжают заниматься оленеводством, охотой и рыболовством, как минимум на полгода покидая свои поселки и перемещаясь по бескрайним северным просторам от одного стойбища или промыслового участка к другому. Такая мобильность, естественно, сказывается на всех сторонах жизнедеятельности аборигенов и зачастую противоречит всем классическим представлениям о комфорте и качестве жизни – в лютый мороз домом для номадов является передвижное жилище, естественно, лишенное практически всех современных благ цивилизации.

В годы советской власти, деятельность которой, по сути, являлась одним большим социальным экспериментом, подобное положение дел шло в разрез с фактически официально поставленной во главу угла доктриной улучшения качества жизни всех слоев общества. В связи с

этим в основе большинства подходов к социально-экономическому развитию кочевников была положена активно поддерживаемая властью концепция целесообразности их скорейшего перевода на оседлый образ жизни. Вопросы адекватности и последствий подобных позиций в отношении сохранности этнической самобытности аборигенов, соблюдения баланса при освоении хрупкой северной природы достаточно подробно освещены в современной историографии [5; 7; 14 и др.] и не будут затрагиваться в представленной работе. Следует отметить лишь, что, на взгляд автора, несколько оправдывает разработчиков этих подходов то, что в основе попыток тотального перевода номадов на оседлость действительно лежала благая задача – улучшение социально-экономических условий их жизни. В разрезе же рассматриваемой в статье проблематики усилия, предпринимаемые в этом направлении, примечательны тем, что привели к активизации исследования различных сторон жизнедеятельности аборигенов. В Якутии данный факт особенно четко проявился после создания в 1949 г. филиала Академии наук (АН) СССР.

Так, в 1951–1954 гг. Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала (ИЯЛИ ЯФ) АН СССР под руководством И. С. Гурвича были организованы социоэтнографические экспедиции в целый ряд районов традиционного проживания номадов Якутии: Момский, Абыйский, Аллаиховский, Верхоянский, Жиганский, Булунский, Усть-Янский, Нижне- и Среднеколымский.

Рассматривая в ходе этих изысканий изменения, произошедшие в быту местного населения, И. С. Гурвич отметил облагораживание интерьера домов и появление в них обоев, настенных часов, занавесок, книжных этажерок, зеркал, а также швейных машинок, музыкальных инструментов, разнообразной посуды, что стало сближать сельское жилье с городскими квартирами. По наблюдениям ученого значительно улучшилось и питание аборигенных этносов. Теперь в их обиход на постоянной основе вошли мучные изделия, крупа, сушеные овощи, сахар, чай и консервы. Вместе с тем, основой рациона, по-прежнему, оставались традиционные продукты. Повседневное меню жителей низовьев Индигирки было, как установил И. С. Гурвич, более однообразно и основывалось, в первую очередь, на рыбных продуктах. Однако различные способы их приготовления (мороженой (строганина), вяленой (юкола), толченой (барча), вареной и жареной и др.) повышали вариативность кухни. Разнообразия прибавила и выпечка в специальных формах хлеба, а не только лепешек как ранее. Кроме того, обратили на себя внимание ученого изменения в одежде местного населения, также сближавшие город и деревню. Мужчины "испытывали пристрастие к полувоенному костюму – гимнастерки, галифе". Женщины носили платья, юбки, блузки и жакеты. Вместе с тем, пожилые женщины продолжали использовать длинные платья типа сарафана. Зимой же одевались "шапки местного покроя и местная обувь..., телогрейки и всевозможные шубы" [8, л. 57–65].

Несколько иную точку зрения на положение аборигенов Якутии И. С. Гурвич представил в докладной записке, подготовленной по итогам проводившейся в 1959 г. в Аллаиховском, Нижне- и Верхнеколымском районах Якутии Юкагирской комплексной экспедиции. Очевидно, что такая принципиальная разница была вызвана "закрытым" характером документа, предназначавшегося только для служебного пользования.

В записке была дана оценка уровня жизни, состояния социальной сферы и хозяйственной деятельности. Хотя ученый вновь отметил позитивные сдвиги последних лет и, в частности, улучшение технической оснащенности охотников и рыбаков, строительство корралей и ледников, появление в ярангах и чумах "зеркал, посуды, часов, умывальников, полотенец, раскладных кроватей, печей с духовками-обогревателями, пригодных для выпечки хлеба" [9, л. 340–341], однако большую часть документа он посвятил анализу негативных моментов.

В частности, содержание записки позволяет проследить одни из первых проявлений последствий политики поселкования и коллективизации, проводимой на севере

Якутии в 1930–1950-е гг. для номадов. Так, по данным ученого, отрицательные результаты имело проведенное в ходе коллективизации укрупнение оленьих стад. Если прежде стада в зависимости от численности голов паслись на ягельных участках разных размеров, то после их объединения маленькие участки оказались заброшены, а большие – перегружены [9, л. 306–307].

Негативно отнесся И. С. Гурвич и к практике укрупнения по примеру центральных районов страны колхозов на севере Якутии. Если в центре это оправдывало себя в плане лучшей доступности техники, то северные колхозы были лишены этого преимущества – новации здесь были доступны в крайне незначительных размерах. В то же время, как заметил ученый, хрупкие экосистемы Севера не могли выдержать излишней скученности населения и чрезмерной концентрации их хозяйственной деятельности. При этом масштабы территорий новых колхозов приводили к значительным сложностям в их управлении ("председатель колхоза с весны до осени даже при непрерывной езде не имеет возможности посетить все заимки") [9, л. 319–321]. В результате объединения, по мнению исследователя, "вместо освоения тундровых пространств" произошло "образование белых пятен" [9, л. 320].

Острыми проблемами, по наблюдениям И. С. Гурвича, являлись отсутствие технических новшеств ("техника оленеводства ... по сравнению с XIX в. почти не изменилась" [9, л. 309]) и тяжелые жилищные условия пастухов, охотников и рыбаков. Последнее, в частности, привело к тому, что в промысловые и оленеводческие бригады крайне неохотно стала устраиваться на работу молодежь. Это, естественно, ставило под угрозу преемственность поколений и негативно сказывалось на рекрутировании кадров [9, л. 305–340].

В 1962 г. в арктических районах Якутии вновь проводил исследование И. С. Гурвич. На этот раз ученый работал в Оленекском и Нижнеколымском районах Якутии. Помощь в сборе эмпирического материала И. С. Гурвичу оказывал его ученик, аспирант Института этнографии АН СССР Н. А. Алексеев.

Целью исследований было выяснение текущего социально-экономического положения представителей коренных народов Севера. Проведенные изыскания показали, что в целом условия жизни аборигенов не стали лучше. Более того, в связи с реорганизацией колхозов в совхозы обострилась проблема обеспечения местного населения привычным рационом питания (мясо и рыба), т.к. при новой форме коллективного хозяйствования труд оплачивался исключительно деньгами, натуральные же выдачи были полностью прекращены. Это привело к ситуации, при которой "потребление населением привычных традиционных национальных продуктов настолько сократилось...", что стало вызывать "серьезные опасения за существование коренного населения" [6, с. 266]. По сведениям И. С. Гурвича, раньше один мужчина употреблял в среднем 1,5–2 кг мяса в день, а нередко 3–4 кг. В

1962 г. же в Оленекском совхозе оленеводам отпускалось только 7 кг мяса по себестоимости (40–50 коп) на одного человека в месяц или 200–230 г в день. Охотники же получали еще меньше – 150 г. В итоге население было вынуждено покупать мясо по розничным ценам – 2 руб. 20 коп за кг при среднем доходе 80–100 руб. Досадный парадокс ситуации заключался в том, что такие высокие цены были установлены правительством, чтобы поддержать оленеводческие колхозы и повысить уровень жизни аборигенных этносов.

Положение усугубляли недолов рыбы, практическое полное исчезновение диких оленей – традиционного источника дополнительного пропитания северных народов, а также уже называвшийся ранее такой лимитирующий фактор развития, как фактическое отсутствие личных подсобных хозяйств. При этом даже подобные, минимальные, объемы выловленной рыбы, а также так недостающая работникам совхоза оленина шли на корм лисиц и песцов в звероводческие хозяйства, приносивших ежегодный убыток – И. С. Гурвичем был вновь поставлен вопрос о нецелесообразности насаждения нетрадиционных видов хозяйствования (по крайней мере, в существовавших масштабах) [6, с. 266–271; 11, л. 1–55].

В 1964–1965 гг. в целом ряде районов Якутии проводили исследования участники Якутской северной комплексной экспедиции (ЯСКЭ).

Исследователи рассмотрели широкий круг вопросов, включая условия быта и жизни народов Севера Якутии, состояние культуры, просвещения и искусства (Ф. Г. Сафронов, Н. Е. Егоров, И. А. Потапов, Н. С. Евсева, М. Я. Жорницкая, Д. А. Данилов, З. Т. Тюнгюрядов).

На основе проведенных полевых изысканий, анализа научной литературы, а также привлечения разнообразного статистического и иного документального материала ученые подробно охарактеризовали важнейшие проблемы в жизни местного населения и развитии арктических районов Якутии, а также разработали рекомендации и предложения по улучшению существующего положения.

Например, рассматривая состояние благоустроенности сельских поселений, участники экспедиции пришли к выводу, что ни одно из них не отвечало "элементарным санитарно-гигиеническим требованиям". В посещенных населенных пунктах была "исключительно низка" обеспеченность электроэнергией. При этом основной массив жилого фонда находился в непригодном для эксплуатации состоянии [1, л. 75–77].

Отдельного упоминания заслуживает описанная учеными деятельность образовательных учреждений. Так, в школах-интернатах, предназначенных, прежде всего, для детей оленеводов, охотников и выходцев из многодетных семей, была выявлена "сложная ситуация". Родители должны были оставлять их осенью в поселке, где располагался интернат, и забирать после окончания учебного года. Однако такая практика имела "досадное несоответствие" с бытом оленеводов – оленеводческие стада вес-

ной на длительный срок отправлялись на северные пастбища, а летом интернаты закрывались и детям негде было жить. Для исправления ситуации, приводившей к постоянным конфликтам между школой и родителями, участники ЯСКЭ предложили изменить сроки учебного года – начинать его 15 августа и завершать в мае. Еще одним проблемным моментом исследователи назвали передачу питания детей в распоряжение торгующих организаций, что "резко ухудшило положение дел по всему Северу Якутии". В результате зачастую единственным достоинством предлагаемой пищи, по тонкому замечанию ученых, являлось "только то, что она горячая". Дети же постоянно недоедали [10, л. 62–67].

Дополняли такую грустную картину условий жизни местного населения изыскания, проведенные участниками медико-биологического отряда ЯСКЭ. Эти исследования показали, что только 30% взрослого населения могут быть признаны "практически здоровыми". Наиболее широко распространенным заболеванием при этом являлся туберкулез легких, что во многом обуславливалось плохой материальной базой медицинских учреждений на местах, зачастую размещавшихся в тесных, непригодных помещениях [1, л. 78–82].

Отдельно были рассмотрены "узкие места" развития каждой из основных сельскохозяйственных отраслей. Так, важнейшей проблемой позитивной динамики оленеводства ученые назвали вопросы пополнения кадрового состава молодежью, обусловленные, по их мнению, прежде всего, тяжелыми бытовыми условиями жизни оленеводов. Для исправления ситуации был предложен ряд мер, которые предполагали развитие путей сообщения и скорейшее внедрение достижений науки и техники в отрасль (новые транспортные средства, жилища, познания в области физиологии животных и др.).

Следует отметить, что если в фокусе рассмотренных выше исследований находилось, главным образом, все аборигенное население Якутии и положения о кочевой его компоненте являлись лишь их частью, то в 1970–е гг. в Якутии были отмечены появлением специализированных изысканий, посвященных именно проблемам оленеводов. Эти изыскания были связаны с именем сотрудника отдела экономики ЯФ СО АН СССР Ф. С. Донского.

В 1973 г. Ф. С. Донской завершил работу над научным отчетом "Экономические и социальные проблемы перекорма кочевого населения Якутии на оседлый образ жизни". Его написанию предшествовал комплекс проведенных ученых исследований. В ходе них, в частности, был организован массовый социологический опрос, в котором приняли участие представители более двух тысяч семей оленеводов и охотников из 17 районов Якутии [2, л. 5–6].

Примечательно, что из числа опрошенных Ф. С. Донским только 26% оленеводов были в возрасте до 30 лет, а в охотничьем промысле этот показатель и вовсе составил катастрофические 9%. Основной причиной сложившегося положения дел исследователь, как и его предше-

ственники, назвал крайне тяжелые условия работы. По этому поводу Ф. С. Донской отметил следующее: "труд пастуха-оленевода северных колхозов и совхозов связан с постоянным окарауливанием стада под открытым небом независимо от погоды, времени суток и года. Отсутствие механизированного транспорта, плохие бытовые условия и длительный отрыв от семьи при исключительно слабой связи с поселком делает еще более непривлекательным труд оленевода" [2, л. 35–36]. При этом у работников практически не было выходных, а реальная продолжительность времени занятости "значительно превышала установленный семичасовой рабочий день" [2, л. 37]. Аналогичные проблемы Ф. С. Донской выявил и при изучении производственной деятельности охотников. Ситуацию дополняла острая нехватка жилой площади. Например, в промысловый сезон 1968–1969 гг. из-за ее отсутствия 9 кадровых охотников совхоза "Оленекский" были вынуждены выехать в тайгу вместе со своими семьями, включая 12 детей дошкольного возраста [2, л. 9–86].

В 1980 г. под научным руководством Ф. С. Донского сотрудники ИЯЛИ и Отдела экономики ЯФ СО АН СССР, а также Якутского НИИ туберкулеза подготовили отчет "Социально-экономические проблемы завершения перевода кочевых звенов Березовского сельского совета Среднеколымского района Якутской АССР на оседлый образ жизни" [2, л. 2–6].

Базой для разработки темы послужили материалы, полученные в ходе полевых работ ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР и Министерства здравоохранения ЯАССР, которые состоялись в сентябре – октябре 1977 г. и в июле – августе 1979 гг., а также исследований хозяйств Березовки, осуществленных в июле 1980 г. [4, л. 5; 12, л. 8; 13, л. 76]

В этих экспедициях принимали участие сотрудники названных выше научно-исследовательских учреждений, врачи Якутской республиканской и Среднеколымской районной больниц, представители отдела культуры Среднеколымского райисполкома, местных органов власти и совхоза. Специалистами были изучены санитарно-гигиенические условия жизни населения Березовки, состояние медицинского, бытового, культурного и торгового обслуживания, экономическое положение в ведущих отраслях хозяйства, вопросы материальной обеспеченности семей, трудовой занятости, квалификации работников. Проведение анкетирования, охватившего 45 человек в 1977 г. и 52 – в 1979 г., позволило также определить некоторые мотивационные установки, характерные для жителей села [4, л. 6–50].

Следует отметить, что население Березовки, состоявшее более чем на 80% из звенов, представляло собой во многом уникальный исследовательский объект. Предки березовцев, вследствие труднодоступности и отдаленности территорий от основных коммуникаций, а также, возможно, сознательного "избегания", долгое время были фактически изолированы от внешнего мира – контакты с представителями других этносов, включая русских и яку-

тов, сводились к минимуму. Эти люди, сохраняя патриархально-родовые отношения, вплоть до 1950-х гг. вели постоянную кочевую жизнь, занимаясь домашним оленеводством и охотничьим промыслом на приграничной территории Магаданской области и Якутской АССР. Лишь в 1954 г. был создан Березовский наслег и открыта школа, а с 1961 г. единоличные хозяйства эвенов, минувшая система колхозов, вошли в состав совхоза им. 50 лет СССР [4, л. 6]. В этой связи неудивительно, на момент проведения исследований в рамках рассмотренной выше Якутской северной комплексной экспедиции 53% населения Березовки продолжали вести кочевой образ жизни [10, л. 6].

Как было установлено в ходе изысканий 1977–1980 гг., в плохом состоянии находилась транспортная система. Не было регулярных наземных путей сообщения с районным центром – Среднеколымском, отсутствовала авиапосадочная площадка. Единственным средством связи зачастую оказывалось дорогое и сильно зависящее от метеусловий вертолетное сообщение. Помимо этого, в течение 10 лет в Березовке фактически было заморожено жилищное строительство. В результате в среднем на одного жителя села приходилось 2,3 м² полезной жилой площади, что было в 4 раза меньше общесоюзной санитарной нормы. Из-за отсутствия жилья в селе 26 пастухов-оленеводов вынуждены были кочевать вместе с семьями. Крайне ограничены оказались размеры личных хозяйств – более половины населения вообще не имела собственных оленей. Существовавшая же система оплаты труда "не обеспечивала компенсации трудовых и материальных затрат" и "не создавала стимула для привлечения и закрепления кадров". Зачастую оленеводам приходилось "расплачиваться" за форс-мажорные обстоятельства, вызванные, как правило, различными природно-климатическими факторами и сказывавшимися на производственных показателях. При этом гарантированного минимума заработной платы они не имели. В этом плане показательны результаты проведенного исследователями анкетирования было выяснено, что удовлетворена своим материальным положением оказалась лишь 1/5 респондентов, остальные были либо "не очень довольны", либо "не довольны" [4, л. 21–36].

Печальную картину, увиденную специалистами в Березовке, дополняло состояние медицинского обслуживания. Имеющийся фельдшерско-акушерский пункт размещался в антисанитарных условиях, был недостаточно оснащен инвентарем, а его сотрудники не проводили необходимых санитарно-профилактических мероприятий. В течение двух лет сотрудниками районной больницы ни разу не производился облет оленеводческих бригад. В 1979 г. из-за несвоевременного выполнения санрейсов умерло двое детей. Санитарно-эпидемиологическую ситуацию усугубляла скученность семей в Березовке, кочевание почти половины детей с родителями и низкая гигиеническая культура. В рационе питания практически отсутствовали молочные продукты, картофель, овощи и

фрукты. В результате здоровыми можно было считать только 20% детей. Еще хуже была ситуация с более старшим поколением – 1/4 взрослого населения страдало хроническим алкоголизмом [4, л. 37–42].

Исправить сложившееся положение, по мнению авторов отчета, было возможно только за счет перевода населения Березовки на оседлый образ жизни. Для этого, прежде всего, было необходимо изменить саму методику ведения хозяйства. В связи с этим, предлагались пути, уже рекомендовавшиеся ранее Ф. С. Донским в своих работах. В частности, исследователи выступили за скорейшее внедрение сменно-звеньевых методов выпаса оленей, апробированного в Ямало-Ненецком округе, что позволило бы оленеводам более 5 месяцев в году жить со своими семьями в Березовке, а также полувольного изгородного метода содержания животных. Кроме того, была отмечена необходимость создания четырех промежуточных баз для пастухов. Развитие охотничьего промысла, по мнению ученых, требовало: создание специализированных звеньев, состоящих из 3–4 профессиональных охотников и 2–3 учеников; проведение охотоустроительных работ по освоению отдаленных угодий; сооружение благоустроенных промысловых баз; механизацию труда. Предлагалось развивать и подсобные отрасли хозяйства – производство меховых изделий, а также молочное животноводство [4, л. 11–53].

Важным шагом на пути повышения качества жизни населения Березовки исследователи назвали улучшение культурно-бытовых условий. В связи с этим, были произведены расчеты, касающиеся строительства необходимых благоустроенных жилых домов, производственных и социальных объектов. Однако при этом требовалось пе-

ренести село на правый берег Колымы – здесь, по мнению авторов отчета, было проще организовать доставку строительных материалов и, в целом, снабжение села, обеспечивать связь с основными пастбищными угодьями и дополнительную занятость населения (в основном за счет рыболовства) [4, л. 22–53]. Следует отметить, что спустя тридцать лет, после проблем с "северным завозом" и очередного затопления Березовки водами одноименной реки летом 2017 г., так и нерешенный вопрос с переносом села вновь появился на повестке дня.

Таким образом, в рассмотренный в статье период ученые достаточно серьезное внимание уделили анализу социально-экономического положения номадов Якутии, а также разработке путей повышения качества их жизни. Конечно, не всех из этих путей с высоты сегодняшнего дня представляются оптимальными, о чем свидетельствует, в частности, и изменение позиций участников ряда рассмотренных инициатив в последующие годы. Материалы проведенных исследований, с одной стороны, свидетельствовали об определенных улучшениях, происходивших в жизни кочевников, с другой затрагивали целый пласт проблем, часть из которых была традиционной для аборигенов, другие же стали следствием различных социальных преобразований советской власти. Вместе с тем даже такая сложная ситуация была, пожалуй, одной из самых благоприятных в истории номадов Якутии. В последующем, после известных политических и социально-экономических катаклизмов, положение номадов, за исключением, безусловно, положительных последствий исчезновения огромного административного аппарата, стало существенно сложнее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Якутского научного центра Сибирского отделения (ЯНЦ СО) РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 256.
2. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 317.
3. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 405.
4. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 418.
5. Грицай И.В. Переустройство образа жизни коренных народов Камчатки за годы советской власти: попытка ретроспективного сравнительного анализа // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2003. – № 2. – С. 77–85.
6. Гурвич И.С. О положении коренного населения северных районов Якутской АССР // Этнологическая экспертиза: народы Севера России. 1959–1962 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. – М.: ИЭА РАН, 2005. – С. 266–273.
7. Карлов В.В. Кочевники в мире модерна и постмодерна. Опыт и перспективы адаптации // Сибирские исторические исследования. – 2016. – № 4. – С. 131–150.
8. Рукописный отдел Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения (РО ИГИИПМНС СО) РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 236.
9. РО ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359.
10. РО ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 405.
11. РО ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 563.
12. РО ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 17. Д. 1.
13. РО ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 17. Д. 7.
14. Klokov K. Reindeer Herders' Communities of the Siberian Taiga in Changing Social Contexts. – 2016. – № 1. – 81–101 p.